

ЭХО МЁРТВЫХ — БОЖЕСТВ —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

автор ночной сухарик

Ночной Сухарик
Эхо мёртвых божеств

«Автор»

2026

Сухарик Н.

Эхо мёртвых божеств / Н. Сухарик — «Автор», 2026

Университет Остерис построен на останках падших божеств. Здесь правят элитные кланы, а слабых стирают в порошок. Эзрет — выживший наследник уничтоженного рода, чья единственная цель — холодная и методичная месть. Скрывая под кожей запретную печать и пробив себе путь через смертоносные катакомбы, он бросает вызов заносчивой аристократии во главе с Виларом из дома Вейс. В этих стенах не прощают слабости, а за каждый шаг приходится платить кровью. Но за броней ледяного цинизма и жажды возмездия кроется искра, способная сжечь всю систему дотла. Игра началась.

© Сухарик Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ночной Сухарик

Эхо мёртвых божеств

Глава 1

Глава 1: Эхо мёртвых божеств.

Ночь в Университете Остерис никогда не была тихой.

Под массивными фундаментами из чёрного базальта и застывшей, окаменевшей плоти павших небожителей круглые год гудели древние кости. Этот низкий, почти неуловимый ухом гуд шёл из самой геометрии здания, отзываясь на каждый шаг студентов тяжёлой, давящей вибрацией в висках. Считалось, что тот, кто не научится глушить этот зов ментальным щитом на первой же неделе, либо сходит с ума, либо превращается в безмозглую марионетку местной магии.

Эзрет шёл по узкому, едва освещённому магическими светляками коридору третьего корпуса, не издавая ни звука. Его шаги были выверенными, мягкими, словно у хищника, привыкшего ступать по чужой территории в полной темноте. На воротнике его тёмного форменного сюртука ещё не до конца высохла чужая кровь — тёмная, густая, пахнущая озоном и страхом.

Пару часов назад кто-то из старожилов курса решил устроить «традиционную встречу» для новичков из захудалых или опальных семей. Расчёт был примитивным: сломать новенького в первые же сутки, заставить преклонить колени, чтобы он сразу понял своё место на самом дне университетской иерархии. Они не учли одного. Эзрет не был испуганным мальчишкой, бегущим от собственной тени. Его руки не дрожали, когда он резким, отточенным движением клинка показал зарвавшемуся мажору, где проходит черта.

Эзрет стер остатки багровых брызг с манжета, сохраняя на лице абсолютное, ледяное спокойствие. Ни гнева, ни торжества. Только холодный расчет. В этом месте эмоции были непозволительной роскошью, равной самоубийству. Здесь, среди студентов, чьи родители вершили судьбы империи, он был одиночкой с клеймом врага народа на сердце. Его род был стёрт с лица земли три года назад силами тех же кланов, чьи наследники сейчас спали в роскошных апартаментах верхних этажей.

Коридор вывел его к массивной арочной двери из мореного дуба, за которой находилась его келья. Узкая, сырая комната, пропахшая старым пергаментом, сыростью и горьковатым дымом защитных благовоний. Едва за ним захлопнулась тяжёлая створка, Эзрет прислонился спиной к холодному дереву и закрыл глаза.

Только сейчас, когда посторонние глаза не могли его увидеть, маска безупречной ледяной непроницаемости треснула.

Дыхание стало тяжёлым. В груди заворочалась глухая, обжигающая боль — не от физических ран, а от той пустоты, которую он носил в себе каждый день. Внутри Эзрета бушевал парадоксальный шторм. Его разум требовал мести, холодной и беспощадной, заставляя оттачивать каждый жест, каждый навык смертоносного ремесла до абсолютного совершенства. Его скрытая жестокость была щитом, броней, сквозь которую не должен был пробиться ни один удар.

Но глубоко под этой ледяной коркой, в самом дальнем уголке израненной души, жило то, в чём он никогда бы не признался даже самому себе. Он ненавидел этот мир за его жестокость, но больше всего на свете он устал быть один. Он никого не любил — его учили, что привязанность делает человека уязвимым, а уязвимость здесь означает смерть. И всё же... где-то на самом дне этой бездны теплилось слабое, почти болезненное желание. Хотя бы раз почувство-

вать тепло человеческого участия. Узнать, каково это — когда кто-то смотрит на тебя не со страхом или презрением, а просто так. Без расчёта.

Эзрет резко распахнул глаза. Золотистый отблеск магического светильника отразился в его зрачках, мгновенно выжигая любые проявления слабости.

— Рано расслабляться, — тихо шепнул он сам себе, отталкиваясь от двери.

Завтра начинались первые практические занятия на Алтаре Падших. И те, кто сегодня пытался унизить его в коридоре, еще не знали, какую цену они заплатят за свою самоуверенность.

Утро в Остерисе наступало не с рассветом, а с резким, скрежещущим звоном колокола, отлитого из сплава железа и застывшей кости. Этот звук пронзал стены келий, заставляя кровь стечь в жилах.

Эзрет уже не спал. Он стоял у узкого стрельчатого окна, за которым простирались багровые шпили университета и окутанные серым туманом пропасти. На нем был идеально выглаженный форменный сюртук, скрывавший под собой легкие, но смертоносные рунные клинки. Ни единой морщинки, ни тени усталости на лице — лишь холодная собранность хищника, вышедшего на охоту в чужие уголья.

Сегодня предстояло первое занятие на Алтаре Падших — месте, где студенты лицом к лицу сталкивались с остатками мощи тех, кому поклонялись древние цивилизации.

Коридоры густо наполнялись учащимися. Знатные наследники в богатых мантиях сшибались плечами, громко переговариваясь и бросая презрительные взгляды на тех, кто держался в тени. Когда Эзрет вошел в огромный полукруглый амфитеатр Алтаря, разговоры на секунду стихли. Кто-то из вчерашних задиралов, стоявших у высоких окон с чашами эликсира в руках, многозначительно ухмыльнулся, переглянувшись с товарищами. Они ждали мести, ждали, что новичок сорвется. Но Эзрет даже не повернул головы в их сторону. Его безразличие ранило больше любого ответного оскорбления.

В центре зала на массивном пьедестале из черного мрамора покоился гигантский, изъеденный веками обломок ребра павшего божества. От него исходила едва заметная, но удушающая аура чужеродной силы. Воздух здесь казался густым, словно сироп, и давил на грудь с каждым вздохом.

— Добро пожаловать в могилу ваших иллюзий, — раздался над амфитеатром сухой, похожий на скрип сухих ветвей голос магистра Ворма.

Старый наставник с выжженными магией глазами вышел из тени колонны. Его взгляд, лишенный зрачков, казалось, скользил прямо сквозь плоть студентов, выискивая их самые потаенные страхи.

— Многие из вас думают, что статус ваших родов защитит вас здесь, — продолжил Ворм, медленно прохаживаясь вдоль рядов. — Ошибаетесь. Костям божеств плевать на ваши фамилии. Здесь вы либо докажете, что имеете право дышать этим воздухом, либо станете частью удобрения для новых башен. Ваша первая задача — прикоснуться к Алтарю и вытащить наружу каплю резонирующей энергии, не потеряв при этом рассудок.

По рядам прокатился глухой ропот. Практика с Алтарем Падших всегда граничила с безумием: малейшая ошибка в ментальном щите — и остатки божественного эха выжгут мозг неосторожного маля.

Один за другим студенты поднимались к пьедесталу. Кто-то отдергивал руку уже через секунду, бледный и трясущийся, не выдержав давления чужого разума; кто-то падал на колени, захлебываясь криком. Наследники знатных родов справлялись лучше, но даже их лица покрывались холодным потом под тяжестью древнего проклятия.

— Эзрет. Следующий, — бросил магистр Ворм, даже не глядя на список.

Эзрет ровным, чеканным шагом вышел к центру амфитеатра. В спину ему вонзились десятки злорадных, ждущих провала взглядов. Вчерашние обидчики напряглись, предвкушая зрелище.

Он остановился перед массивным куском окаменевшей кости. Напоминание о собственной разбитой жизни, о сожженном родовом гнезде и погибших близких вспыхнуло в памяти не слабостью, а ослепляющей, чистой яростью. Но внешне Эзрет остался абсолютно неподвижен. Его лицо напоминало застывшую маску из белого мрамора.

Медленно, без тени колебания, он протянул руку и прикоснулся ладонью к ледяной, шершавой поверхности ребра.

В тот же миг мир вокруг исчез.

Сознание Эзрета провалилось в ледяную бездну. В ушах зашумел рев океана из чистой боли, отчаяния и чужой, богоподобной воли. Образы рушащихся миров, крики павших титанов и всепоглощающая тьма попытались разорвать его разум на куски, словно хрупкое стекло. «Сломайся. Сдавайся. Ты один», — шептало сознанию эхо мёртвого бога.

Где-то на грани реальности послышались испуганные вздохи толпы. Кто-то в амфитеатре закричал: «Он сторит! Смотрите, у него кровь из носа идет!».

Но внутри этой бури Эзрет улыбнулся краешком губ — холодной, мертвецкой улыбкой. Его внутренняя жестокость, выпестованная годами одиночества и жадной мести, стала броней крепче любого щита. Если боги мертвы, то почему он должен подчиняться их мертвым законам?

Сконцентрировав всю боль, всю невыплаканную горечь и ледяной расчет в единый ментальный удар, Эзрет сжал пальцы на кости и резко вытянул из нее чистый сгусток синей, пульсирующей энергии.

Бум!

Мощная волна магического ветра прокатилась по всему амфитеатру, заставив задрожать факелы в настенных держателях. Защитные барьеры заискрились.

Эзрет отнял руку от Алтаря. Он стоял абсолютно прямо, тяжело, но ровно дыша, а на его ладони, ярко сияя, удерживался идеальный, послушный шар чистой божественной силы.

В амфитеатре повигла мертвая, оглушающая тишина. Магистр Ворм медленно повернул к нему свое слепое лицо, а на губах старого наставника впервые за долгие годы проступила подозрительная, хищная ухмылка.

Эзрет молча перевел холодный, пронизывающий взгляд на тех самых мажоров, которые еще вчера пытались сломать его в коридоре. Их лица побелели. Они поняли: игра только что перешла на совершенно другой уровень, и этот одиночка с клеймом изгоя не просто выживет в Остерисе — он пришел сюда, чтобы забрать их головы.

Эхо отзвучавшего удара ещё долго висело в густом, пропитанном озоном воздухе полукруглого амфитеатра. Студенты верхних курсов, привыкшие смотреть на новичков как на бессловесный скот, теперь молчали. В их глазах вместо привычного высокомерия читался липкий, первобытный испуг. Никто на памяти магистра Ворма не вытягивал из сырого ребра павшего божества такую чистую, неразбавленную струю энергии с первой же попытки, да ещё и без единого признака ментального срыва.

Магистр Ворм медленно опустил свиток с именами. Его лишённые зрачков глазницы словно бы впились в фигуру Эзрета. — Неплохо, — хрипло проскрипел наставник, и этот звук напомнил скрежет костей по камню. — Очень неплохо для человека, чьё имя ещё вчера было вычеркнуто из реестров империи. Запомните этот урок, господа аристократы. Кости божеств не выбирают наследников по титулам. Они выбирают тех, в ком течёт достаточно холодной тьмы. Свободны.

Занятие было окончено, но толпа расходилась медленно, словно нехотя. Эзрет развернулся первым. Его плащ взметнулся в воздухе резким, хищным росчерком. Он шёл сквозь

расступающиеся ряды студентов с прямой спиной, не удостоив ни единым взглядом тех вчерашних задира, которые караулили его у входа. Сейчас они отпрянули к холодным каменным стенам, инстинктивно уступая дорогу хищнику, который только что показал свои зубы.

Но Эзрет не испытывал триумфа. Победа над страхом толпы была лишь мимолетной искрой в бесконечной ночи его разума.

Когда он наконец вышел из амфитеатра в сумрачные коридоры третьего корпуса, холодный пот проступил на его висках. Ментальный щит, с помощью которого он удержал божественную энергию, потребовал колоссальных затрат. Внутри черепной коробки тупо и ритмично пульсировала боль — плата за дерзость перед лицом древних сил. Обычный человек после такого валялся бы в лихорадке, но Эзрет лишь чуть сильнее сжал челюсти, заглушая физическое недомогание железобетонным усилием воли.

Он шёл по лабиринту коридоров к своей келье, погруженный в воспоминания, от которых не мог избавиться ни на секунду с момента падения его дома. Три года назад фамильный отец-глава клана и весь его круг были стерты с лица земли поддельным имперским указом. Истинные кукловоды — те самые знатные семьи, чьи избалованные отпрыски сейчас занимали лучшие апартаменты верхних уровней Остериса — праздновали победу, уверенные, что от их врагов не осталось даже пепла. Они просчитались. Они оставили в живых его — того, кого сочли слишком слабым, но кто превратил собственное горе в скальпель.

Дверь кельи поддавалась тихому нажатию. Внутри пахло сыростью, жжёной пылью и старой бумагой. Едва затворив створку и заперев её на массивный магический засов, Эзрет рухнул на жёсткую койку, закрыв лицо руками.

Тут, в абсолютном одиночестве, спал тяжелый панцирь показного хладнокровия. Плечи слегка дрожали от напряжения. Внутри него вечно шла война: холодный рассудок требовал абсолютной изоляции, бесчувственности и методичного уничтожения врагов одного за другим, в то время как где-то глубоко в груди саднила незаживающая рана. Он помнил тепло материнских рук, помнил смех сестры — те редкие мгновения искренней нежности, которые были отобраны у него в одну кровавую ночь.

«Любовь — это уязвимость, — жёстко напомнил себе Эзрет, сжав кулаки до белых костяшек на пальцах. — Привязанность убьёт тебя быстрее, чем любой алтарь павших богов».

И всё же, несмотря на этот внутренний приговор, в его душе теплилось нечто запретное. Он ненавидел свою потребность в тепле, но по ночам, когда гул древних костей под полом становился особенно громким, эта тоска по простому человеческому участию жгла сильнее любых ран. Ему не нужны были толпы друзей или пустые романы элитных студентов. Ему хотелось найти хоть кого-то, кто понял бы его изнутри, не требуя масок и клинков.

Посидев в темноте еще с десятков минут, Эзрет поднялся. Слабость отступила, вытесненная стальной дисциплиной. Завтра предстояло распределение по исследовательским группам, и те, кто стоял за уничтожением его рода, уже наверняка готовили новые ловушки.

Он подошел к узкому окну, глядя на багровое зарево закатного неба над провалами Остериса. Губы тронула едва заметная, зловещая улыбка. — Игра только началась, — прошептал он в холодную пустоту ночи.

Ночь в Остерисе приносила не успокоение, а новый вид мучений. Когда багровые лучи заката окончательно гасли над пропастями, а факелы в коридорах переходили на тусклый, синеватый спектр энерго-горения, университет менялся. Под фундаментами из окаменевшей плоти павших небожителей усиливался гул. Казалось, мертвые божества ворочаются в своих каменных саркофагах, пытаясь дотянуться до разумов живых.

Эзрет почти не спал. В такие часы его мозг работал с пугающей, звенящей четкостью. Сидя за узким дубовым столом при свете одинокого магического кристалла, он водил пером по пергаменту, составляя ментальные карты преподавателей и списки наследников тех самых кланов, чьи гербы украшали парадные ворота высших факультетов. Его месть не должна была

быть слепым бунтом. Слепая ярость в Остерисе — это билет на костер. Его удар должен был стать хирургически точным, выверенным до секунды.

Три года назад, когда запылало родовое гнездо, он потерял всё. Мальчик, которого учили философии, поэзии и благородному фехтованию, в одну ночь превратился в волка, запертого в клетке с голодными псами. Отец перед смертью успел передать ему древний семейный артефакт — осколок старой печати, вшитый под кожу на запястье. Именно этот артефакт позволял Эзрету гасить чужеродное давление Алтаря Падших и перенаправлять потоки чужой магии. Но цена была высока: каждый раз, когда печать активировалась, под кожей начинал гореть невидимый ожог, отзываясь фантомной болью по всей руке.

Эзрет тихо поморщился, сжав левую руку. Боль была привычной. Куда сильнее ранила та самая внутренняя пустота, которую он так тщательно скрывал от всего мира.

Где-то за стеной кельи, в соседних крыльях общежития, слышался приглушенный смех, звон бокалов с элитным вином и обрывки праздных разговоров золотой молодежи. Они собирались на тайные ночные посиделки, заводили фальшивые дружбы, любили, смеялись, не зная ни голода, ни страха перед завтрашним днем. Эзрет презрительно скривил губы. «Лицемерные марионетки», — подумал он. И в то же самое время темная, жгучая волна одиночества на секунду сдавила ему горло. Ему до боли знакомо было это чувство — быть окруженным толпой и при этом абсолютно, космически одиноким. Ему претила мысль о близости, его учили, что любовь — это слабость, цепь на ногах. Но в самые темные часы ночи он ловил себя на проклятой, запретной мысли: каково это — проснуться и знать, что кто-то рядом держит тебя за руку не из страха и не ради выгоды?

— Хватит, — жестко оборвал он собственные мысли вслух, резко захлопнув тетрадь.

Слабость недопустима. Сентиментальность убивает вернее любого яда.

Утром следующего дня университетский двор встретил студентов ледяным пронизывающим ветром и густой пеленой тумана, поднимающегося из бездонных пропастей под камнями Остериса. На центральной площади у подножия башни Ректората выстроились потоки первокурсников. Сегодня объявляли распределение по исследовательским группам и преподавателям — самый критический момент семестра, определяющий, кто выживет, а кто отправится на самые опасные и бесперспективные участки раскопок.

Эзрет стоял чуть в стороне от общей толпы, в тени массивной колонны, поддерживающей готический свод. На нем был идеально выглаженный черный сюртук, а холодный взгляд из-под опущенных ресниц скользил по лицам окружающих.

Вдруг шепотки в толпе стихли. По проходу между рядами, небрежно накинув на плечи белоснежные мантии с золотой вышивкой рода, шли те самые аристократы, чей вчерашний триумф на Алтаре был омлетен успехом Эзрета. Впереди шел высокий, широкоплечий парень с холодными серыми глазами и презрительной усмешкой на губах — Вилар из дома Вейс, одного из тех кланов, что напрямую участвовали в разгроме семьи Эзрета.

Проходя мимо, Вилар замедлил шаг. Его взгляд столкнулся с взглядом Эзрета. Воздух между ними, казалось, искрил от накопившегося напряжения.

— Смотрю, выскочка с пепелища всё еще держит нос по ветру, — громко, на весь двор бросил Вилар, остановившись в шаге от Эзрета. — Вчера тебе повезло обмануть датчики Алтаря, но сегодня на практическом полевом испытании в катакомбах тебе не поможет никакой фокус. Там мертвые боги не делятся силой со всякой падалью.

Толпа затаила дыхание. Все ждали взрыва. Все ждали, что новичок сорвется или опустит глаза.

Эзрет не шелохнулся. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он медленно, с пугающей размеренностью сделал шаг навстречу Вилару, сокращая дистанцию до минимума, так что их разделяли считанные сантиметры. Его голос прозвучал тихо, но в звенящей тишине двора его слышали все:

— В катакомбах, Вилар, кости одинаково хрупкие у всех. Разница лишь в том, что я знаю, каково это — пасть на дно и подняться. А ты рухнешь с высоты своего титула от одного моего взмаха. И поверь, плакать по тебе никто не будет.

Ледяная уверенность и смертоносный холод, исходившие от Эзрета, заставили Вилара на долю секунды инстинктивно отпрянуть назад. В глазах аристократа мелькнула тень подлинного, животного страха. Но тут же сменилась яростью.

— Ты пожалеешь об этом сегодня ночью, тварь, — прошипел Вилар сквозь зубы и, резко развернувшись, зашагал к ратуше.

Эзрет проводил его взглядом, чувствуя, как внутри закипает сладкая, предвкушающая волна мести. Первый шаг сделан. Ловушка захлопнулась. Игра перешла на новую фазу.

Послеполуденное распределение прошло сухо и безжалостно. Магистр Ворм лично зачитывал списки полевых групп, и, разумеется, Эзрет оказался в самом убойном секторе — так называемом «Нижнем Разломе», куда отправляли лишь тех, от кого руководство университета открыто хотело избавиться. Вместе с ним в группу вошли Вилар и ещё четверо отпрысков знатных родов, которые горели желанием доказать свою исключительность и стерть дерзкого выскочку в порошок.

Катакомбы под Университетом Остерис не зря назывались чревом падших божеств. С каждым шагом вглубь земля под ногами становилась влажной, покрытой синеватым фосфоресцирующим мхом, который источал тяжелый, сладковатый запах тления и озона. Магические светляки здесь висели редко, сменяясь зловещими багровыми рунами на сырых стенах из тесаного базальта.

Группа шла в тишине, нарушаемой лишь гулким эхом шагов и непрекращающимся, низким стоном где-то в толще каменных плит. Эзрет замыкал шествие. Его рука лежала на рукояти рунного клинка, скрытого в складках плаща. Он прекрасно знал, что аристократы не станут дожидаться официального окончания задания — они попытаются устроить «несчастный случай» впотьмах, списав всё на агрессивную среду разлома.

— Эй, пепельный ублюдок, — раздался впереди едкий голос Вилара. Наследник Вейс обернулся, тяжело опираясь на массивный посох, охваченный пламенем магического костра. Его лицо в багровом отсвете казалось хищной маской. — Не отставай. Здесь даже костей твоих не найдут, если отстанешь хоть на шаг.

Остальные члены группы — двое парней из свиты Вилара и бледная девчонка с холодными глазами из обедневшего, но амбициозного рода — злорадно усмехнулись.

Эзрет поднял взгляд, в котором не было ни капли страха. Только ледяное презрение. — Переживай за свои кости, Вилар. В этих туннелях они самые хрупкие, — ровно и тихо произнес он, заставив улыбку на лице аристократа мгновенно померкнуть.

— Ах ты... — Вилар сделал резкий шаг назад, вскидывая руку для заклинания, но резкий толчок земли прервал его.

Гудение под ногами внезапно переросло в оглушающий гул. Воздух в узком тоннеле стужился до такой степени, что стало трудно дышать. Стены задрожали, осыпая путников градом мелких камней и сухой костяной крошки. Синий мох на стенах вспыхнул ядовитым неоновым светом и тут же погас, погружая катакомбы в абсолютную, непроглядную тьму.

— Что это за хрень?! — запанически выкрикнул один из спутников Вилара, судорожно зажигая факел.

Пламя факела взметнулось вверх, но осветило не стены тоннеля, а нечто гораздо худшее. Из темноты провала, прямо сквозь каменную кладку пола, начали проступать длинные, изогнутые силуэты, сотканые из застывшей тени и мерцающих костей. Эхо падших божеств обрело форму. Это были стражи разлома — фантомы древних воинов, защищавшие свои могилы от живых.

Паника мгновенно охватила группу. Свита Вилара растерялась, магические щиты заискрились и начали трещать под натиском чужеродной ауры.

Эзрет действовал с хладнокровной четкостью автомата. Пока аристократы в ужасе пятились назад, забыв про всю свою спесь, он шагнул вперед. Его ладонь на запястье вспыхнула обжигающей болью — скрытая печать рода активировалась, вливая в его вены ледяную, мощную силу разрушенного прошлого.

— Назад, идиоты, — бросил он сквозь зубы, выхватывая клинок, который мгновенно покрылся синеватым рунным пламенем.

В этот момент один из теневых фантомов с глухим ревом бросился прямо на Вилара, который от страха застыл на месте, не в силах даже поднять посох.

Время в катакомбах словно замерло. Сгусток первобытного ужаса, исходивший от теневых фантомов, давил на психику сильнее любого физического удара. Бледная девчонка из свиты аристократов уже осела на холодный камень, закрыв голову руками и беззвучно шепча молитвы забытым богам, а двое парней панически палили заклинаниями в пустоту, лишь слепо раскалывая стены и рискуя обрушить на себя свод пещеры.

Вилар стоял как вкопанный, парализованный страхом. Огромный фантом древнего воина, сотканный из черного дыма и мерцающих костей, занес над ним призрачный клинок, готовый рассечь высокомерного наследника пополам. В этот момент вся спесь, все напыщенные титулы и презрительные ухмылки испарились, оставив лишь дрожащего перед лицом смерти мальчишку.

Эзрет не колебался ни секунды.

Для него этот монстр не был чем-то сверхъестественным — он видел вещи куда страшнее в ту ночь, когда рушился его собственный мир. С резким, хищным выдохом Эзрет сорвался с места. Рунный клинок в его руке вспыхнул ослепительным синеватым пламенем, разгоняя липкую тьму катакомб.

Одним отточенным, смертоносным движением он проскользнул под ударом тени и вонзил клинок прямо в центр пульсирующего ядра фантома.

Взрыв!

Чистая божественная энергия, пропущенная через печать на его запястье, столкнулась с древним эхом. Ослепительная вспышка озарила подземный зал. Фантом издал долгий, похожий на свист ветра стон и рассыпался на мириады сияющих искр, которые тут же растаяли в сыром воздухе.

В наступившей тишине было слышно лишь тяжелое, сбивчивое дыхание выживших.

Эзрет стоял посреди пещеры, тяжело опираясь на клинок. Его левая рука под сюртуком горела огнем — печать забрала слишком много сил, и по запястью уже сочилась тонкая струйка крови. Но внешне он остался неподвижен, словно изваяние. Медленно повернув голову, он посмотрел на Вилара.

Наследник рода Вейс сидел на коленях у обвалившейся стены, бледный как полотно, с расширенными от ужаса зрачками. Он смотрел на Эзрета снизу вверх, и в этом взгляде больше не было ни капли прежнего высокомерия. Только шок, осознание собственной ничтожности и животный страх перед тем, кого они еще утром собирались уничтожить.

— Ты... ты спас меня, — хрипло выдавил Вилар, сглатывая сухую слюну.

Эзрет холодно и безрадостно усмехнулся, убирая клинок в ножны. — Не льсти себе, Вилар, — тихо произнес он, переступая через остывающие искры фантома. — Я убил тварь не ради тебя. Просто в этих катакомбах правила устанавливаю я. И если кто-то из вас решит сдохнуть раньше времени — сделайте это тихо, без лишнего шума. Мне еще нужно добраться до тех, кто сидит на верхних этажах.

С этими словами Эзрет развернулся и первым двинулся дальше по темному тоннелю, оставляя ошеломленную группу позади.

С каждым шагом боль в руке отступала, уступая место холодному, звенящему удовлетворению. Первый серьезный барьер был пройден. Университет Остерис начал принимать его правила. Но Эзрет знал: это была лишь искра перед бурей. Настоящие враги наблюдали из тени, и игра только набирала обороты.

Возвращение из Нижнего Разлома на поверхность походило на восхождение из чистилища. Студенты поднимались по винтовой лестнице третьего корпуса молча, словно оглушенные. Никто больше не отпускал едких шуток, никто не пытался занять лидирующую позицию или бравировать знатным происхождением. Инцидент с теневым фантомом и то, как хладнокровно Эзрет расколол древнюю сущность, сломал их спесь быстрее любых университетских наказаний.

Вилар шёл в хвосте группы. Его элитная мантия была порвана на плече, а на лице застыла маска мрачного, удушливого шока. Впервые в жизни он столкнулся с силой, которую нельзя было купить за золото предков или получить по праву рождения. И эта сила принадлежала человеку, которого его семья приговорила к забвению.

Когда массивные створки главного входа со скрипом захлопнулись за их спинами, отрезая гул подземных костей, Эзрет даже не обернулся к попутчикам. Он отделился от группы и свернул в лабиринт узких коридоров, ведущих к его келье.

Его шаги были размеренными, но внутри всё горело огнем. Скрытая на запястье печать пульсировала тупой, изнуряющей болью — расплата за извлеченную в катакомбах энергию оказалась выше, чем он рассчитывал. Переступив порог своей сырой комнаты, Эзрет со злостью захлопнул тяжелую дубовую дверь, задвинул магический засов и осел спиной на холодный пол.

Только здесь, в полной темноте, где никто не мог увидеть его слабость, он позволил себе шумно выдохнуть. Рука под форменным сюртуком была влажной от крови. Ожог от древнего артефакта разъедал кожу, напоминая о цене мести.

«Ты выжил сегодня, но они не остановятся», — прошептал внутренний голос, холодный и трезвый.

Эзрет закрыл глаза, прислонившись головой к каменной стене. Перед внутренним взором вновь пронеслись картины той проклятой ночи, когда аристократические кланы сожгли его дом. Лица врагов, крики близких, пепел, устилавший фамильные алтари. Эта картина годами подпитывала его жажду справедливости, превращая боль в сталь.

Но вместе с тем в тишине комнаты вновь заворачалось то самое запретное, проклятое чувство, которое он ненавидел больше всего на свете. Одиночество. Студенты из высших кругов презирали его или боялись, но правда заключалась в том, что даже они были окружены фальшивыми улыбками, поддержками своих кланов и иллюзией тепла. Эзрет же был абсолютным сиротой этой вселенной — изолированным от мира за стеной ледяного цинизма.

Он сжал зубы до боли в челюстях, сдерживая рвущийся наружу крик. «Любовь — это уязвимость. Привязанность — это смерть», — как мантру повторял он себе, заставляя замолчать ту часть души, которая всё ещё хотела простого человеческого тепла.

Снаружи за узким стрельчатым окном медленно гасли багровые огни ночного Остериса. Университет спал, но это был сон хищника, готового к новому броску.

Эзрет поднялся с пола, преодолевая боль в руке. Налил в чашу ледяной воды из кувшина, сделал несколько жадных глотков. Вспышка боли утихла, уступив место привычной, звенящей собранности. Он подошел к столу, где при свете тусклого кристалла лежала его карта мести.

Завтра предстоял совет наставников. И если Вилар и его покровители думали, что вчерашний урок в катакомбах заставил изгоя сдаться, они глубоко заблуждались.

Утро в Университете Остерис выдалось на редкость пасмурным. Тяжелые, свинцовые тучи зажали багровые шпили башен в тиски, а из бездонных пропастей поднимался густой,

маслянистый туман, затягивая внутренние дворы серой пеленой. Казалось, сам воздух в этом проклятом месте пропитался тревогой и предчувствием перемен.

Эзрет стоял у высокого стрельчатого окна своей кельи, застегивая воротник черного форменного сюртука. На левом запястье под плотной тканью глухо пульсировал скрытый артефакт — ожог от вчерашнего столкновения с теневым фантомом в Нижнем Разломе больше не причинял резкой боли, но напоминал о себе глухим, монотонным теплом. Он чувствовал, как чужеродная энергия, которую он забрал у алтаря, медленно вплетается в его собственную магическую структуру, делая её плотнее и опаснее.

В дверь тихо, но настойчиво постучали.

Эзрет не шелохнулся. В Остерисе стучали либо вестники беды, либо те, кто пришел написать себе приговор. Он откинул щеколду и резким движением распахнул массивную створку.

На пороге стоял староста курса — бледный, тощий парень с нервным тиком в левом глазу, из тех подхалимов, что годами выслуживались перед высшими аристократическими домами. Увидев холодный, пронизывающий взгляд Эзрета, он инстинктивно сделал шаг назад, сглотнув подступивший к горлу ком.

— Э... Эзрет, — голос старосты сорвался на хрип. — Магистр Ворм приказал передать. Общий совет наставников и глав факультетов. Через полчаса в Большом Атриуме. Явка... явка обязательна для всех первокурсников, особенно... особенно для тех, кто отличился вчера в Разломе.

Староста судорожно сглотнул, бросил испуганный взгляд на руки Эзрета и, не дожидаясь ответа, поспешно ретировался по узкому коридору, шурша полами мантии.

Эзрет захлопнул дверь. На губах его застыла холодная, едва заметная ухмылка. Совет наставников сразу после полевого испытания? Очевидно, что Вилар и его влиятельные родственники из высших кланов уже подняли тревогу. Появление кого-то, кто смог не просто выжить, но и подчинить себе божественное эхо вопреки всем правилам университета, стало для элиты серьезной пощечиной. Они хотели вызвать его на ковер, припугнуть, сломать авторитетом или отправить на верную смерть под новым благовидным предлогом.

Но они просчитались. Вчерашний день доказал главное: страх в Остерисе — это валюта, и теперь эта валюта принадлежала ему.

Эзрет взял с дубового стола свой дорожный плащ, закинул его на плечи и уверенно шагнул за порог. Его шаги по каменным плитам коридора звучали твердо и ритмично, отзываясь эхом в пустых пролетах.

Внутри него по-прежнему шла та самая безмолвная война: ледяной рассудок требовал абсолютной жестокости и мести, а запертая глубоко на дне душа тосковала по простому теплу. Но сейчас не было времени на слабость. Впереди ждал Большой Атриум, полный врагов, готовых разорвать его на части.

Эзрет прибавил шагу. Игра переходила на новый уровень, и он был готов сделать следующий ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.